

3. Платежи *acarts, arriere-acart* и другие им подобные, возникшие при переходе земли от одного помещика к другому (*dus a la mutation des ci-devant seigneurs*)».

С другой стороны, 9 марта Собрание отменило различные платежи за пользование дорогами, каналами и прочее, взимавшиеся помещиками. Но затем оно тотчас же поспешило прибавить:

«Тем не менее Национальное собрание не имеет в виду включить в число отмененных предыдущим пунктом установленных акцизных сборов... и т. д... а равно и тех сборов, упомянутых в предыдущей статье, на которые право было *приобретено в качестве вознаграждения (dedommagement)*».

Это значит вот что. Многие помещики продали или заложили свои права; иногда же при разделе наследства старший сын получил землю или замок, а остальные, особенно же дочери, получили *в виде вознаграждения* право взимать сборы с дорог, каналов и мостов. Так вот в подобных случаях все эти платежи, хотя и *признавались несправедливыми*, но остались нетронутыми, потому что их отмена была бы убытком для очень многих дворянских и буржуазных семей.

Подобные случаи встречаются в новом феодальном законе на каждом шагу. За каждой отменой следует какая-нибудь лазейка, сводящая отмену на нет. Вместе с тем создавались поводы для бесконечных процессов.

Только в одном вопросе чувствуется здесь дуновение революции - это в вопросе о десятине духовенству. Так, мы находим заявление, что все формы десятины, духовной или «закрепленной» (т. е. проданной светским лицам), навсегда перестанут взиматься с 1 января 1791 г., Впрочем, и здесь Собрание решило, что в 1790 г. десятина должна еще уплачиваться «полностью» кому следует.

Мало того. Собрание не забыло и карательных мер против тех, кто ослушается этих законов, и, приступив к обсуждению III части феодального закона, оно постановило:

«Никакой муниципалитет, никакая администрация округа или департамента не могут под угрозой признания их решения недействительным, *привлечения их к ответственности и взыскания с них убытков* препятствовать взысканию тех платежей в пользу помещика, которые будут *потребованы им* под предлогом, что они считают эти платежи прямо или по смыслу закона уничтоженными без выкупа».

Со стороны уездных и департаментских властей такого «потворства» бояться было нечего. Они всецело стояли за помещиков из дворянства и буржуазии. Но революционерам удалось завладеть некоторыми муниципалитетами, особенно в восточной части Франции, и эти муниципалитеты нередко говорили крестьянам, что феодальные платежи отменены и, если помещик будет их требовать, крестьяне могут не платить.

Теперь из боязни преследований и продажи их собственного имущества члены деревенских муниципалитетов ничего подобного не могли делать. Крестьянин должен был платить (а они должны были продавать его имущество), и ему оставалась одна надежда, что, быть может, если суд признает этот платеж необязательным, то выплаченная сумма впоследствии будет возвращена помещиком, если он не эмигрировал к немцам, в Кобленц.

Этим пунктом, как вполне верно замечает Саньяк, вводилось ужасное условие. Обязанность *доказывать*, что вносить те или другие феодальные платежи не следует, что они связаны с личной зависимостью крестьянина, а не с землей, - эта трудная обязанность возлагалась на крестьянина. Если он не представлял такого доказательства, если он не *мог* его представить, а так и было в большинстве случаев, он должен был платить.

XXVII

ФЕОДАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1790 г

Итак, пользуясь временным затишьем крестьянских восстаний в начале зимы, Национальное собрание провело в марте 1790 г. законы, которыми создавалось в сущности новое законное основание для феодальных помещичьих прав. Чтобы читатель не думал, что такое мнение о мартовских законах - не более как наше личное их толкование, достаточно было бы привести текст самих законов или то, что о них говорил уже Даллоз. Но вот что думает о них один современный автор - Ф. Саньяк, которого никто не заподозрит в санкюлотизме, хотя бы потому, что он считает безвозмездную отмену феодальных повинностей, произведенную впоследствии Конвентом, вредным и несправедливым «грабежом». Посмотрим же, какую оценку дает он мартовским законам 1790 г.

«Старое право, - говорит он, - всей своей тяжестью давит во всей деятельности Учредительного